Тэффи

В стране воспоминаний

Рассказы и фельетоны 1917–1919

Надежда Тэффи
М. А. Рыбаков
Сергей Иванович Князев
В стране воспоминаний. Рассказы и фельетоны. 1917–1919

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18421109
Тэффи. В стране воспоминаний. Рассказы и фельетоны. 1917–1919: LP MEDIA; Киев; 2011
ISBN 978-966-2449-01-3

Аннотация

Сборник составили прозаические произведения Надежды Александровны Тэффи (1872–1952), выходившие в московской, петроградской, украинской периодике в 1917–1919 гг. Большая часть рассказов и фельетонов киевского периода жизни и творчества писательницы впервые издаётся с 1918 г.

Содержание

Миниатюры революции 7
Новый год 23
Извозчики 28
Дезертиры 32
Контрреволюционная буква 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Тэффи
В стране воспоминаний. Рассказы и фельетоны. 1917–1919

Выражаем самую сердечную благодарность Юлии Александровне Каденко, Елене Максимовне Трубиловой и Мирону Семёновичу Петровскому за бесценную помощь в подготовке настоящего издания.

J. Horsey
Miss Gray

© LP MEDIA, 2011
© С. И. Князев, М. А. Рыбаков, подготовка текстов, составление, предисловие и примечания, 2011

Миниатюры революции
Малоизвестная проза
Тэффи 1917–1919 гг

Шестого февраля 1952 года – ровно за восемь месяцев до своей кончины – Тэффи призналась в письме Марку Алданову: «Два запретных пункта моей жизни: политика и математика. Первый нарушаю уже третий раз и всегда успешно».

Марк Алданов ответил в письме от двенадцатого февраля: «Заинтриговали Вы меня тем, что стали заниматься политикой. Какой, дорогая? <…> И почему в *третий* раз? Я знаю только об одном Вашем прецеденте, – это газета Ленина…»[1] Корреспондент Тэффи имеет в виду, конечно, ее работу в 1905 году в газете «Новая жизнь» – уникальном совместном предприятии большевиков и декадентов, которым В. И. Ленин как раз и руководил. В «Новой жизни» Тэффи опубликовала очерки «18 октября» и «Новые партии», стихотворение «Пчёлки», сатирическое стихотворение «Патрон и патроны», метящее в тогдашнего петербургского градоначальника Трепова. Вся эта история ныне довольно известна, в частности, она была описана с присущим Тэффи юмором

[1] Переписка Тэффи и Марка Алданова хранится в Бахметевском архиве (Архив Российской и Восточноевропейской истории и культуры) Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

в мемуарных очерках «Новая жизнь» и «Немножко о Ленине», которые в последние годы неоднократно переиздавались.[2] После ухода Тэффи из «Новой жизни» (который, если верить её мемуарам, произошёл по причинам скорее творческим, нежели политико-идеологическим) писательница активно сотрудничает в сатирических газетах и журналах, других изданиях либерально-демократического направления, где печатаются её язвительные фельетоны, обличающие самодержавные порядки и прочие приметы «гнусной расейской действительности». Кроме того, в годы первой русской революции темой многих рассказов Тэффи, позднее составивших её первый прозаический сборник (Юмористические рассказы, СПб., 1910), нередко становилась жизнь «простого человека» – если угодно, обывателя, сквозного персонажа Тэффи, в общем-то, чуждого политике, однако оказавшегося захваченным враждебными вихрями и прочими политическими стихиями.

Это, вероятно, и был «первый случай» обращения Тэффи к политике, «запретному пункту» № 1.

Вторым случаем – судя по реакции Алданова, ему неизвестным (что особенно примечательно, ведь писательница была с ним очень дружна), – и является, сколько можно понять, период 1917–1919 годов.

---

[2] См., например: *Тэффи.* Смешное в печальном. Рассказы, роман, портреты современников. М., 1992. *Тэффи.* Печальное вино. Рассказы, фельетоны, воспоминания. Воронеж, 2000 и др.

Как известно, Тэффи восторженно приветствовала Февральскую революцию – подобно многим своим знакомым из среды богемы и либеральной интеллигенции. (Так, одиннадцатый за 1917 год номер «Нового Сатирикона» – журнала, в котором Тэффи сотрудничала со дня его основания, ещё когда он назывался «Сатирикон», – вышел 17 марта под шапкой «Да здравствует Республика!»)

Более того, Тэффи не только внятно декларировала в этот период свои политические предпочтения и антипатии, но также – единичный случай в её писательской карьере – выступала как настоящий политический писатель. При этом едва ли можно безоговорочно согласиться с современной исследовательницей, отмечающей: «Стоит обратиться к фельетонам Тэффи, напечатанным в «Русском слове» в июне-июле 1917 года, чтобы перед нами предстала писательница, которая не только прекрасно разбиралась в сумятице политических событий, захлестнувших Россию, но и имела свое собственное мнение о них, свою позицию».[3] Это не так, разумеется. Тэффи – аналитик и теоретик не глубокий. Её политическую программу при всём желании не назовешь оригинальной – да что там, просто подробной и прописанной: «Те звёзды, к которым мы идём, – свобода, равенство, братство» («Контрреволюционная буква»); «Какая огромная ра-

---

[3] *Спиридонова Л. А.* Противление злу смехом //Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 13.

бота – снова поднять и очистить от всего этого мусора *великую идею* (выделено нами. – *Авт.)* социализма!» («Немножко о Ленине»). Свою задачу – пусть никак и не сформулированную – писательница видит в том, чтобы словом поддержать, как сказали бы сейчас, демократические преобразования. Её, Тэффи, критические замечания в адрес новой демократической власти (скажем, вышепроцитированный фельетон «Контрреволюционная буква») – это «конструктивная критика», проявления «взвешенной позиции», замечания союзника, а не политического противника. Её выпады против политических оппонентов – это не деконструкция идейных положений, а дискредитация носителей этих самых идей (см., например, фельетон «Немножко о Ленине» или написанная уже после падения Временного правительства остроумнейшая миниатюра «Дыбокрылонтай»). Не брезговала Тэффи и откровенной агитацией и пропагандой. Так в одном из майских номеров «Нового Сатирикона» за её подписью была напечатана бойкая стихотворная агитка под заголовком «Воззвание», призывающая подписываться на объявленный Временным правительством для финансирования войны «Заём свободы», сопровождавшийся «колоссальной пропагандистской кампанией».[4]

…Нужно быть отменным идиотом,

---

[4] *Страхов В. В.* «Заём Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 31.

Чтобы упустить такой момент:
Вдруг прослыть великим патриотом
И вдобавок – получить процент!
Вот поэтому мы просим и зовём,
Подпишитесь поскорее на заём….

…Покупайте столько облигаций,
Сколько можно снесть пешком домой.
Знайте: вы спасаете Россию!
Вам за то воздвигнут монумент,
И, повинность исполняя сию,
Вы ещё получите процент!…
И для этого мы просим и зовём,
Подпишитесь поскорее на заём.[5]

Нет, разумеется, никаких оснований полагать, что политические выступления Тэффи весной-осенью семнадцатого были мотивированы чем-то ещё, кроме собственно её убеждений. Но как всё же сильно ощущается, что Тэффи, выступающая за идеалы свободы, в своих текстах несвободна. Чувствуется, что строку диктует не чувство, а политическая целесообразность. Мы видим, как в стихотворении «Воззвание», скажем, в угоду агитационным целям простодушно и недальновидно рифмуются «идиот» и «патриот», коверкается язык («снесть», «сию»…). В своих прозаических произведениях, широко печатавшихся тогда, прежде всего в мос-

[5] *Тэффи* (sic! – С. *К.).* Воззвание // Новый Сатирикон», 1917, № 21. С. 3.

ковской газете «Русское слово», Тэффи как агитатор и пропагандист также явно уступает Тэффи-художнику – несмотря на бесспорный риторический блеск и подлинное, незаёмное, остроумие, свойственное её политическим (или, если угодно, «политическим») фельетонам. Заданность и однозначность в оценках, узость взгляда, утрировка как основной приём, предсказуемость художественных и риторических решений, избыток восклицаний, да и просто пафоса – слишком заметно, что автор решает задачи прежде всего сиюминутные, утилитарные, политические, а уж затем собственно эстетические.

К сожалению, ощущение некоторой художественной фальши, творческой несвободы, внутренней цензуры не покидает, и когда читаешь её произведения первой половины 1917 года, в которых обитатели политического Олимпа не упоминаются. Скажем, один из её фельетонов представляет собою ироническое высмеивание, пусть мягкое и незлобливое, как паникёров, людей, боящихся за свою безопасность, за жизнь близких; людей, оказавшихся персонажами пролога к национальной трагедии. Авторесса же пытается убедить публику, что оснований для паники нет, что настоящее в целом прекрасно. («Заведующие паникой»). Покидать же страну в такой ситуации, по Тэффи – трусость и предательство идеалов «свободы, равенства, братства»: «Всей душой стремясь уехать куда глаза глядят, открыто отстраняясь от всякого участия в тяжёлом и великом подвиге строительства но-

вой жизни, не причисляем ли мы себя с циничной откровенностью к лику дезертиров?» («Дезертиры»). Дескать, не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам…

Как агитатор и спецпропагандист Тэффи, наверное, имеет резоны так себя вести, как художник она терпит поражение.

Давно стало уже общим местом, что формула «Анекдот и трагедия» – очень ёмкая, практически универсальная характеристика произведений Тэффи, ключ к пониманию их структуры.

«Каждый мой смешной рассказ, в сущности, маленькая трагедия, юмористически повёрнутая».[6] «Анекдоты смешны, когда их рассказывают. А когда их переживают, это трагедия. И моя жизнь – это смешной анекдот, т. е. трагедия»,[7] – признавалась писательница.

Когда Тэффи бодрится, пытаясь рассказать, что трагедии никакой нет, а есть лишь повод для шутки – анекдот выходит скверный.

Такое бывает, когда художник пытается убедить себя сотрудничать с властью – какое бы человеческое лицо у неё не было.

«Отдам всю душу Октябрю и Маю, но только лиры милой не отдам», – написал несколькими годами позже её младший современник. Писательница избрала другой путь.

---

[6] *Одоевцева И.* О Тэффи / Русская литература в эмиграции. Под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 203.

[7] *Андрей Седых.* Далёкие, близкие. Нью-Йорк, 1962. С. 37.

Вскоре Временное правительство пало. Степень восторга, с какой Тэффи приняла свержение Николая II, примерно соответствовала градусу неприятия ею власти большевиков. (Впрочем, сатириконцы жестко критиковали большевиков еще до октября 1917-го: «С № 21 1917 г. «Новый Сатирикон» начал активную антибольшевистскую кампанию, заявил о наступлении «лихолетья» и пришествии Хама».[8]) То, что вызвало или, скажем, спровоцировало гражданскую войну, интервенцию, белый и красный террор, голод, таланту Тэффи помогло необычайно. Лишившись – по умолчанию – самою на себя наложенных обязательств перед властями предержащими, от самоцензуры, писательница стала писать тексты просто по любым меркам блистательные – и ничего с нею не могла поделать никакая цензура внешняя в 1917–18 гг. (за неполный год, например, газета «Русское слово», в которой писательница сотрудничала с 1909 г., несколько раз закрывалась, но тут же начинала выходить под новым названием: «Вечернее слово», «Новое слово», «Наше слово»). У Тэффи остаётся, по сути, две главных «партийных» установки: здравый смысл и человеческие чистоплотность и порядочность.

«Революция 1917 года поразила Тэффи своей бессмыс-

---

[8] *Толстоброва А. С.* «Сатирикон»: 100 лет со дня начала издания журнала» (1 апреля 1908 года) // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. Выпуск 1 (49) / Нижегородская гос. обл. универ. науч. библиотека им. В. И. Ленина. Нижний Новгород, 2008. С. 73.

ленностью, дурацкой бестолковщиной».[9]

Происходившее порою настолько не соответствовало элементарной логике, что для достижения комического эффекта, кажется, писательнице порой не надо было специально изобретать mots – они рождались, будто из духа времени.

«– Купите курицу. У меня товар свежий. Ночью зарежу, а днем продаю.

– Купите сапоги, господин! У меня тоже товар свежий, я тоже… га-га-га!., ночью зарежу, а днем и продаю» («В рынке»).

«Почему эта осьмушка называется ржаной – непонятно. Может быть оттого, что ни одна лошадь при взгляде на этот хлеб не удержалась бы от весёлого ржания, – так много в нём овсяной соломы» («Хлеб»).

«Я, говорит, распродаю теперь свою коллекцию персидских ковров – этим и кормлюсь. Питаюсь, как моль, коврами» («Петроградский монолог»).

«Первые киевские дни гость посвящает еде. Ходит по Киеву и съедает всё, что попадается на пути. Мимоходом шлёт с оказией открытки – в Большевизию. Всегда одинаковые.

Лирические:

«Дорогая, любимая. Люблю, тоскую. Ограблен дочиста. Ем пирожные, внутри крем с сахаром. Жалею, что без тебя».

Дружеские:

---

[9] *Алексинский Г.* Её доброй и светлой памяти (Воспоминания о Н. А. Тэффи) // Цит. по: Тэффи. Печальное вино. Воронеж, 2000. С. 550.

«Перевалив (станция по выбору), шлю привет. Ограблен дочиста. Ем пирожные, внутри крем».

И сухо-деловые:

«Ограблен дочиста, внутри крем». («Гости»).

Обилие шуток «про еду» в послеоктябрьских текстах Тэффи весьма показательно.

Одна из тем последней предреволюционной книги Тэффи «Неживой зверь» (1916) – пробуждение, возрождение человеческого в человеке как результат встречи с животными. Тема фельетонов и рассказов, сочиненных год-два спустя – исчезновение, практически мгновенное, человеческого в человеке. «Комнатный пес прислушивается, шевеля ухом. Если бы он мог, он, наверно, вставил бы несколько дельных замечаний». («Новый психоз»).

Тэффи виртуозно показывает и художественно весьма убедительно доказывает: совсем немного надо, чтобы человек превратился в существо, способное лишь, как сказано в фельетоне «Новый психоз», «с особым сладострастием описывать свою желудочно-кишечную тоску».

В 1911 году вторая книга юмористических рассказов Тэффи вышла с подзаголовком «Человекообразные». Спустя семь лет писательница находит для определения обывателей, постепенно превращающихся в животных – пусть и политических, – слово не менее презрительное: едоки.

Это уже не ёрническая политическая сатира («низший вид литературы», по известному выражению А. И. Солжени-

цына), которая, как известно, устаревает едва ли не мгновенно, – это сатира экзистенциальная, порою злая и беспощадная. Тэффи снова здесь пишет не о политике, а о людях – и потому её произведения нисколько не устарели. В отличие от многих своих современников, идеализировавших так называемого простого человека или же видевших в революции исключительно торжество «грядущего хама», Тэффи показывает в лучших своих вещах: зло, глупость, пошлость не детерминированы социально: патронесса госпиталя Анна Павловна из рассказа «Два естества» едва ли симпатичнее бывшего извозчика Терентия («Будущий день»).

Быть человеком – вот мысль-призыв, что объединяет произведения Тэффи, вызванные к жизни революцией и сопутствующими событиями.

«Был человек» – так назывался очерк Тэффи, опубликованный 25 мая 1918 года в газете «Наше слово» (№ 32) и оказавшийся одним из последних её произведений, напечатанных в этом издании. Вскоре газета будет окончательно закрыта, Тэффи из Москвы отправится на юг.

Согласно разысканиям киевского историка М. А. Рыбакова, поезд из Москвы, на котором ехала Тэффи, прибыл в Киев 7 октября 1918 г. Киевский период жизни и творчества Тэффи был весьма непродолжителен (чуть больше трёх месяцев), но весьма ярок и продуктивен. К этому времени в город вместе с огромным количеством беженцев прибыли бежавшие от большевиков писатели, журналисты, изда-

тели, театральные деятели, кинематографисты. Вдохновленная этой творческой обстановкой, окружением близких по духу и убеждениям коллег, Тэффи много пишет для киевских изданий, её произведения исполняются в театрах, читаются со сцены, писательница принимает участие в благотворительных вечерах.

М. А. Рыбаков восстановил по публикациям в периодической печати хронику пребывания писательницы в Киеве:

«21 октября 1918 года Тэффи присутствовала на открытии театра «Летучая мышь», часто посещала его. Совместно с Lolo[10] (приехал в Киев 24 октября 1918 г.), по просьбе директора «Летучей мыши» Никиты Балиева написала для театра пьесу «Необыкновенные приключения театрального директора», где авторы в шутливой форме описали приключения Балиева, ожидалось, что он выступит в роли директора *(Зритель, 1918. 22 октября… № 39. С. 6–7).* Также совместно с Lolo Тэффи подготовила обозрение для театра Н. Балиева *(Вечерние новости. 1918. 1 декабря).*

Тэффи и Lolo, как авторы либретто, дали согласие, на постановку «исторической» оперетты «Екатерина II» в Киеве. Эта оперетта с большим успехом шла в 1917 году в Москве, авторы привезли либретто в Киев. За право постановки боролись три театра: Оперный (руководитель М. Ф. Багров), Музыкальной комедии (руководитель А. А. Брянский) и «Летучая мышь» (руководитель Н. Ф. Балиев). Но

---

[10] Псевдоним литератора Л. Г. Мунштейна (1867–1847).

в этот период оперетта не увидела киевскую сцену, зритель посмотрел её только в апреле

1919 года в постановке А. Брянского в театре Музкомедии.

Главную роль исполняла солистка киевской оперы З. Рыбчинская, в других ролях – актёры Дашковский, Н. Алексеева-Месхиева, Н. Светловидов, Н. Гриневский и др. Художник А. Петрицкий. Музыка была скомпонована А. Брянским из произведений Ж. Оффенбаха и И. Штрауса. В комедии с юмором показан быт эпохи, высмеивались царские фавориты, их распутство, низменные страсти, самодурство *(Вечер. 1918, 24 октября; Новости дня. 1918. 26 октября; Коммунист, 1919, 24 апреля).*

2 декабря 1918 г. после окончания спектакля в театре «Летучая мышь» Тэффи, будучи в театре в качестве зрителя, провела благотворительный сбор в пользу военнопленных[11] и собрала 3840 руб. *(Зритель, 1918. 4–5 декабря. № 73. С. 5–6).*

В декабре 1918 года Николай Агнивцев с группой актёров вышел из состава театра «Би-Ба-Бо» и создал «Театр Кривого Джимми», ставший одним из любимых театров Тэффи, на открытии которого 24 декабря она присутствовала *(Наш путь. 1918. 24, 25 декабря).* К открытию театра Тэффи написала одноактную пьесу «Тише едешь – дальше будешь» и предоставила исключительное право постановки «Театру

[11] Какие пленные имеются в виду установить не удалось.

Кривого Джимми». В первую программу этого театра вошла также, среди других, её миниатюра «Не подмажешь – не поедешь» *(Зритель. 1918. 26 ноября. № 67. С. 1; Зритель. 4–5 декабря, № 73. С. 7).*

Однако, трудности нарастали… В анкете «Наше завтра. Ответы литераторов» она пишет: «В возрождение России я верю. Вообще, я о России такого же мнения, как она обо мне». Ответ на другую анкету несколько иной: «Здесь я чувствую себя сытой физически, голодной морально» *(Свободные мысли. 1918.9, 16 декабря).*

1 января 1919 года, в зале Купеческого собрания состоялся вечер «Бодрящей, волевой музыки, лирики и юмора». В концерте кроме Н. В. Алексеевой-Месхиевой (сценки и юморески), М. Донца, М. Бочарова, А. Каратова и др. выступила и Тэффи – единственный раз за время пребывания в Киеве *(Театрал. 1919. № 1. С.10–11)».*[12]

В январе писательница отправится в Одессу, где в периодической печати выйдет ещё несколько её произведений.

Долгий путь Тэффи в эмиграцию: из голодных Москвы и Петрограда – через Киев, Одессу, Новороссийск, Екатеринодар, Константинополь – в Париж, с грустным юмором описан ею в «Воспоминаниях» (1931, отд. издание – Париж, 1932, в последние годы это произведение переиздавалось многократно). Некоторые из произведений, написанных в 1917–1919 гг., Тэффи включит в «Воспоминания». Но в большин-

---

[12] *Рыбаков М. А.* Тэффи в Киеве. Рукопись.

стве своём миниатюры эти Тэффи практически не перепечатывала, многие из них так и остались практически забытыми на страницах газет и журналов, что едва ли справедливо.

Это важные, очень важные тексты. Без них, органично складывающихся в публичный дневник интеллигента, история отечественной литературы и журналистики, русских общественных споров, русской культуры XX века будет неполной. И делать вид, будто и не существует их: этих очерков, фельетонов, рассказов, некрологов, – в некотором смысле всё равно, что делать вид, будто нет и не было никогда дневников Зинаиды Гиппиус, писем Короленко к Луначарскому, «Несвоевременных мыслей» Горького, книги Бунина «Окаянные дни», публицистики Куприна… К тому же, ознакомившись с этими текстами Тэффи, несколько по-другому оцениваешь широко известные произведения её коллег. Например, очевидно, что некоторые рассказы из сборника Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (1921) – прежде всего, конечно, «Фокус великого кино» – изготовлены по лекалам рассказа Тэффи «Мемуары».

Да и творческий путь самой писательницы без этих вещей невозможно теперь представить.

Впрочем, несправедливо видеть во вновь публикуемых ниже абзацах лишь материал для исследования. Тексты эти самоценны как литература – тем и интересны.

Во многом благодаря волшебному умению ничуть не кощунствуя, писать о трагическом смешно – Тэффи и превра-

щает произведения на злобу дня в подлинное искусство.

С. Князев, М. Рыбаков

Новый год

Фот и Новый год! 1917-й!

Наученная горьким опытом девятьсот шестнадцатого, от поздравлений отказываюсь.

Подумайте только: ровно год назад мы поздравляли друг друга с девятьсот шестнадцатым! С такой-то гадостью!

Это вроде:

– Крепко вас целую и от души поздравляю: у вас пожар в доме и тётка зарезалась.

Я с девятьсот семнадцатым никого не поздравляю.

Но так как человеческий организм требует поздравления в определённые вековой мудростью сроки, то и я поздравляю:

– Поздравляю с тем, что кончился, наконец, 1916 год!

Глупый был покойничек и бестолковый. Злился, бранился, а под конец жития, – с голоду, что ли? – о весне залопотал, – такую поднял распутицу (это в декабре-то!), что весь лёд в реках осел, и полезло из прорубей невесть что.

Непочтенный был год.

Поговорим о новом.

* * *

Под Новый год все мы занимаемся предсказаниями и «бухгалтерией» счастья, то есть мы подсчитываем, что дала судьба, что отняла и что может дать. Это последнее уже из отдела статистики, из подотдела теории вероятностей.

Смотрим великую книгу нашего малого бытия и видим ясно, что поручили мы её очень подозрительному бухгалтеру, у которого дебет и кредит давно не сходятся. А на некоторых страницах что-то так явно и бесцеремонно подчищено и подскоблено, что даже за него, за бухгалтера, неловко делается. Уж очень он какой-то наивный. Бог с ним!

Итак, ввиду того, что бухгалтерия счастья особых радостей нам не обещает, займёмся лучше предсказаниями.

Я очень хорошо вижу ваше будущее, но, чтобы мне лучше поверили, расскажу вам сначала ваше настоящее. Опытные предсказатели так и поступают.

Хотите, расскажу вам вчерашний день?

Утром, – начинаю с утра, – утром вам не дали сахару к кофе. Вы, по обычаю, пожали плечами и, по обычаю, воскликнув: «Господи! Когда же всё это кончится!», выпили кофе без сахару.

Потом развернули газету и с большим интересом прочли о том, что новый министр юстиции посетил старого министра внутренних дел, нового же министра путей сообщения посе-

тил новый министр народного просвещения, а старого министра внутренних дел посетил новый министр иностранных дел, а нового министра народного просвещения посетил новый министр юстиции, а нового министра иностранных дел посетил новый министр путей сообщения, а бывшего председателя совета министров посетил… неизвестно кто.

Бог посетил меня, —

как говорится в басне Крылова, -

Я сжёг дотла свой двор
И по миру пошёл с тех пор.

Прочтя, как кто кого посещает и кто с кем имеет беседу продолжительную, непродолжительную, оживлённую, напряжённую или просто «неизвестно какую о текущих делах», вы пошли завтракать.

За завтраком, узнав, что не достали муки, крупы, масла, рису, макарон и говядины, вы, по обычаю, пожали плечами и воскликнули:

– Господи! Когда же, наконец, всё это кончится?

Потом предавались праздным развлечениям, звонили по телефону знакомым и спрашивали:

– Где вы встречаете Новый год?

В ответ вам врали, что в очень большом и интересном обществе, намекая, что туда, мол, таких, как вы, и на порог не

пускают.

Контр-ответом вы пускали собственное вранье о предстоящих вам блестящих забавах.

Расстроив друг друга, вы переходили на обычную мирную беседу.

– А кто у нас сегодня министр юстиции? Такой, который Митьку выпускает, или такой, который Митьку сажает?

И, послушав, возражали:

– Да вы путаете! Он вчера был.

– Нет, это вы путаете! Это не юстиции. Это чего-то другого…

После телефона вы ходили на перекрёсток узнавать последние новости внутренней и внешней политики и, разукрасив их в пределах и возможностях ваших убеждений и фантазий, разносили их по знакомым.

А вечером писали поздравительные письма и телеграммы.

Письмо:

«Как поживаете? У нас ни к чему приступа нет. Мясо – стой в очереди, а уж один мальчишка, говорят, насмерть замёрз. Булок булочники не продают. Видно, сами лопают, чтоб им лопнуть. Поздравляю с наступающим Новым годом».

Телеграмма:

«Поздравляю Новым годом целую желаю извозчиков и сахару».

* * *

Таков был ваш вчерашний день.

Я считала здесь вчерашний праздничный день обеспеченного человека, поэтому не упомянула о делах и служебных заботах.

Теперь, заручившись вашим доверием, предскажу вам завтрашний день.

Хотите, расскажу вам завтрашний день?

Утром, – начинаю с утра, – утром вам не дадут сахару к кофе. Вы, по обычаю, пожмёте плечами и, по обычаю, воскликнув: «Господи! Когда же всё это кончится!», выпьете кофе без сахару.

Потом развернёте газету и с большим интересом прочтёте о том, что новый министр юстиции посетил старого министра внутренних дел, нового же министра путей сообщения посетил новый мини…

Вам, может быть, надоел мой фельетон?

Мне тоже – очень, очень, очень надоел.

И так как он нам обоим надоел, то оборвём его и скажем:

– Да здравствует «новый» Новый год!

Новый!

Да?

Извозчики

С тех пор, как мы стали тылом, извозчики наши делятся на два сорта: 1) восьмидесяти – и 2) восьмилетних.

Так как правила без исключения нет, то встречается иногда и третий сорт извозчиков, соединяющий качества обоих сортов.

Это извозчики восьмидесятивосьмилетние…

Об этом последнем сорте мы много говорить не будем, потому что извозчики этого сорта вообще никогда никого никуда не везут и сидят на козлах исключительно для декоративного эффекта улиц. Везти они не могут. Им «недосуг».

Обычные же извозчики первых двух сортов везут, но при этом предпочитают ехать в ту сторону, в которую обращена морда лошади.

– Тебе куда? Туда? – показывает он большим пальцем назад через <плечо>. – Мне туда не с руки.

Увещевать его не стоит. Он твёрд.

Извозчик первого сорта – восьмидесятилетний – будет долго вести с вами предварительные разговоры.

– Ась?

– На Пушкинскую.

– Ась?

– Не знаешь, что ли?

– Это я-то не знаю! Очень даже знаю. Пушкинскую-то.

Он не смотрит на вас. Чего ему смотреть, – всё равно не разглядит. Брови у него мохрастые, как моржовые усы, глаза через них чуть пилькают. К вам направлено только старое мохнатое ухо.

– Ась? Оченно даже знаю. Пушкинскую-то. Огороды там были. И не очень чтоб давно. Лет эдак пятьдесят тому назад. Да, поди, и того не наберётся. Огороды. Как же! А то не знаю, что ли?

Он уже забыл, что сидит на козлах, и что его седок нанимает.

Ему кажется, что сидит он на завалинке и предаётся воспоминаниям.

– Огороды? Как не знать! Оченно даже знаю.

– Ну? Везёшь, что ли, на Пушкинскую?

– Восемь гривен положьте! – вдруг вспоминает он.

Дёргает лошадёнку, чмокает, тпрукает.

– Огороды? Как не знать! Вези его за восемь гривен на огороды. И чего их на огороды носит, пугалов несчастных?

Восьмилетний сорт веселее.

На вид он, положим, такой, как будто его и совсем нет. Торчит на козлах тулуп, на тулупе – шапка, сбоку рукавицы припёрты. Только ежели обойти да заглянуть пристально, так увидишь, что из-под шапки торчит круглый нос.

– Извозчик! Свободен?

Круглый нос наморщится. Это значит, что где-то там, глубоко под шапкой, деловито нахмурились брови.

Приподнимутся рукавицы, хлопнут по армяку, и страшный бас, которым разговаривают только деревенские мальчишки, и то только с лошадьми, ответит вам:

– Полтора рублика положьте.

А уж потом спросит:

– А куда тебе ехать-то?

– На Николаевскую.

– На какую Николаевскую: на вокзал аль на улицу?

– На улицу.

– Так бы и говорил, что на улицу. А то говорить не говорит! Туда же, ещё седок называется.

От его густого баса и густого презрения вам делается неловко.

– Ну, садись, что ли!

Бац кнутом по шапке!

– Но-о! Балуй!

– Голубчик! Я-то ведь не балую, чего же ты меня-то хлещешь!

– Но-о!

– Голубчик, ты чего же направо поворачиваешь! Мне ведь налево надо. Николаевская-то ведь налево.

– Чего-о? Налево? Так бы и говорил, что налево. А то говорить не говорят, а туда же, седоком называются!

Бац по шапке!

Подвезя вас к месту назначения, восьмилетний извозчик скажет лошадиным басом:

– Прибавить надо.

– За что же тебе прибавлять-то?

– Как за что? Ведь я вёз!

Прибавите вы ему или не прибавите, результаты будут одинаковые. Восьмилетнему извозчику непременно нужно показать перед всеми прохожими, дворниками и швейцарами, что он мужик бывалый и знает, как седока обремизить.

– Как же не прибавите-то? – ворчит он лошадиным басом, получая прибавку. – Овёс-то нынче тридцать рублей фунт. Этак вёз, одного овса на него пошло, а он ещё говорит, за что прибавка. Ничего не понимают, а туда же, на извозчика лезут.

Вы уже давно будете сидеть в уютной гостиной и поддерживать томный разговор о грядущем ренессансе человеческого духа, освобождённого от тёмного плена влияний войны; вы уже давно забудете о привёзшем вас восьмилетнем чудовище; и разве только изредка, если вы человек нервный и чуткий, лёгкая дрожь неприятно скользнёт вдоль вашей спины.

Это оттого, что «он», восьмилетнее чудовище, всё ещё не оставил вас. Он грызёт вас, переворачивает с боку на бок и при одобрительном поддакивании дворников бубнит из-под шапки лошадиным басом:

– Туда же! Вези его! Нет, братец ты мой, на извозчике также надо понимать ездить! Овёс-то нынче что? То-то и оно!

Дезертиры

Что посеяла ненависть, пусть пожнётся любовью!
Украсим розами Голгофы кресты.
На нивах, политых терпкою кровью,
Взойдут наш хлеб и наши цветы.

Тэффи

Они все хотят уехать.

Я говорю о так называемой интеллигенции. Каждый разговор – а теперь только и делают, что разговаривают, – кончается стоном:

– Уехать! Уехать, чтобы глаза не глядели.

– Куда? Как?

– Всё равно. Через Белое море, через Владивосток, в Японию, в Китай, к чёрту на рога – лишь уехать, потому что так жить нельзя.

Если бы человек, которому рвут зуб, мог рассуждать и разговаривать, то, наверное, сказал бы то же самое:

– Так жить нельзя!

И всё-таки продолжал бы жить именно так. Потому что ни назад зуба вдвинуть, ни оставить его полувынутым нельзя.

Нужно перенести операцию. Нужно пережить революцию всю до конца.

Все разочарованы:

– Отчего в первые дни всё было так хорошо, так светло и радостно?

Всегда так, милые мои. Всегда сначала приятное:

– Поздравляю вас с праздничком.

А затем и тревожное:

– На чаёк с вашей милости.

И все разочарованы, разочарованы в революции.

В глубине души каждому представлялось, что революция – это нечто вроде карнавала в Ницце. Только, может быть, более величественное и побольше красного цвета – флаги, фригийские колпачки.

– Aux armes, citoyens![13]

А потом всё должно войти в норму и в порядок.

Дамы будут заказывать соответственные переживаемому моменту шляпки, мужчины, сидя в департаменте, мирно покуривать и рассказывать анекдоты из жизни Распутина, рабочие будут усиленно работать, солдатики усиленно воевать, а мужички усиленно доставлять на всю компанию хлебца.

И в общем «освобождённый народ», воздев руки к небу, возблагодарит судьбу за то, что она наконец дала ему возможность проявить в полной мере его душевные качества: скромность, стремление к свету, самопожертвование и чувство долга.

Не знаю, как другие, но я от этих проявлений душевных

---

[13] К оружию, граждане! (фр.)

качеств народа пришла бы в ужас. В настоящий священный ужас.

– Как! Тот самый народ, который веками глушили водкой, угнетали, давили бесправием, безграмотностью, нищетой, предрассудками и голодом, – этот самый народ вот сейчас перед нами явил душу великую и яркую, жаждущую подвигов и самопожертвования во имя великой идеи. Вот, значит, какие цветы выращивались на перегное былого деспотизма. Да что же это? Ведь это – самое настоящее торжество старого режима, чудо из чудес, праздники из праздников, воскресение из мёртвых. И к чёрту тогда всю нашу цивилизацию. Но чуда не случилось. Вместо чуда – логика. Жнём, что сеялось.

В чём разочаровываться? Чему удивляться?

– Требуют денег, увеличения жалованья. Не понимают, что рубят дерево, на котором сами сидят.

Ну да. Конечно. Конечно, рубят и, конечно, не понимают. Но почему ж они могли бы понять? Николай II, насколько я знаю, не был сторонником распространения политико-экономических знаний среди крестьянской молодёжи.

А если бы даже…

Наши капиталисты лучше разбираются в этих вопросах, но подвигов самоотвержения до сих пор не являют, а являют лишь чудеса ловкости, переводя деньги за границу, или, как поступил один петроградский банкир, подписавшийся на миллион на Заём свободы и на другой же день приказав-

ший своему банку продать эти облигации.

Он поступил так, право, не потому, что не понимает, что «нельзя рубить дерева, на котором сидишь», а потому, что твёрдо рассчитывал вовремя унести ноги и перевести капиталы.

Но не о нём речь.

Итак, никаких горьких сюрпризов и разочарований нам, знающим, что делало старое правительство, освобождённый народ принести не мог.

То, что происходит под общим заглавием «разруха», конечно, ужасно в своём потенциальном состоянии.

– Вы знаете, что бесчинствуют на железных дорогах?

– Знаю, и не удивляюсь.

– Знаете, что крестьяне не желают обрабатывать поля, что их мутят какие-то пришлые солдаты, очевидно, по чьему-то приказанию подготовляющие в недалёком будущем голодные бунты, грабежи и погромы?

– Вы знаете, что около Николаева крестьяне облили смолой и керосином двенадцать конокрадов и сожгли их, а сами дико бесновались вокруг пылающих живых костров?

Знаю всё. И думаю, что они не съели этих жареных конокрадов только потому, что не были голодны. На будущий год съедят.

– Чаво там, – скажут, – они ведь не из нашей деревни, их есть можно.

И чем хуже и страшнее, и противнее всё то, что мы видим,

тем более мы должны радоваться, что свершилась наконец революция, что теперь открыт путь к свободной борьбе со злом.

Какой хирург огорчился бы, если бы, вскрыв живот пациенту, умирающему от аппендицита, увидел гнойник, а не букет роз?

И чем хуже и злокачественнее окажется гнойник, тем благославеннее хирург, решившийся на операцию, и тем серьёзнее его долг довести дело до конца.

И все те, которые скорбят и вопят, и кричат о разрухе, в сущности, понимают это.

Спросите у них:

– Вы, может быть, хотите возвращения к старому?

– Господи! Что вы говорите! Конечно, нет.

Потому что каждый понимает, что возврата нет, что операция была предпринята, когда Россия уже умирала.

Нет, они возврата не хотят, но то, что делается, им не нравится.

Как это так, вдруг такие непорядки?

Солдатики не воюют, мужички не дают хлебца. И все такие невежливые, в трамвае толкаются, прямо какие-то невоспитанные!

Нет, скорее-скорее уехать куда глаза глядят. А когда всё кончится и устроится, тогда можно будет вернуться и зажить в обновлённой России со всеми удобствами.

А сейчас так тяжело бороться!

– Так почему же вы недовольны солдатами, которым тоже ведь «тяжело бороться»? Которые тоже надеются, что дело как-нибудь и без них уладится.

Всей душой стремясь уехать куда глаза глядят, открыто отстраняясь от всякого участия в тяжёлом и великом подвиге строительства новой жизни, не причисляем ли мы себя с циничной откровенностью к лику дезертиров?

Многие думают, что роль революционного гражданина непременно должна быть только яркой, видной и блестящей.

– Быть вожаком, оратором, произносящим зажигательные речи, руководителем движения, вдохновителем толпы, мудрым политиком, выбирающим и решающим повороты истории, – ничего этого я не могу и не умею, так уж лучше мне совсем уйти.

А если не умеешь и сознаёшь, что не можешь, – тогда иди в толпу, в почву земли.

«Любовь не ищет своего», – как говорил апостол Павел. Если любишь родину, не ищи и ты своего, хотя бы даже в выгодной позе перед народом.

Если позовут те, кому мы верим: «Граждане, выходите на улицу!» – выходи. Ты нужен, как одна из единиц, составляющих толпу, – иди и будь единицей.

И если позовут: «Граждане, жертвуйте!» – жертвуй, отдавай всё, что сможешь отдать.

В разговоре на улице, в беседе с друзьями, в митинговой толпе, везде, где услышат тебя, – если только скажешь то, что

велит совесть, и то уже можешь считать, что сделал нечто, вбил маленький камешек (какой Бог послал) в широкую мостовую нашего великого пути.

Сделал, что мог, и не отказался от малого в погоне за великим.

И если рухнет всё, и вместо триумфальной колесницы повезут по нашему великому пути только чёрные трупы, – пусть бы каждый из нас мог сказать:

– В этом падении моего толчка не было. Слабы мои силы и малы, но я отдал их все целиком. Я был простым, рядовым работником, простым солдатом, защищающим свободу, как мог и чем мог. И я не отрёкся от неё и не убежал. Дезертиром я не был!

Контрреволюционная буква

пасвищаеца министру народного прасвищения

С буквой «ять» скандал!

Признана контрреволюционной и изъята из обращения.

Всякий гражданин, хоть сколько-нибудь дорожащий народной свободой, должен избегать всякого общения с этой буквой.

Ходят тёмные слухи. Говорят, что Бурцев разыскал «ять» в списках охранного отделения.

Говорят ещё больше. Говорят, будто тот таинственный провокатор, обнародование имени которого заставит ахнуть не только Европу и Америку, с прилегающими к ней островами, есть не кто иной, как буква «ять»!

Кто бы подумал!

Недаром молодёжь, чистая, свежая и горячая, так всегда ненавидела её!

В моей жизни она также успела сыграть свою гнусную роль. Из всех провокаторов только ей удалось поймать и предать меня.

Мне было тогда только одиннадцать лет. Я держала вступительный экзамен в гимназию.

– Мальчик пошёл в училище, – продиктовала мне высокая и злая учительница-людоедка.

«Мальчик пошёл в училищу», – написала я дрожащей рукой.

– Почему через ять? – закричала людоедка.

Я не знала, почему, но чувствовала, что из приличия нужно выставить какие-нибудь веские причины, и сказала:

– Потому что мальчик пошёл.

Умнее я ничего не могла придумать.

Но людоедка молчала и злобно ела меня глазами.

Тогда я пошла на отчаянность.

– Это не «ять», – сказала я.

– Не я-ать?

Людоедка поднесла тетрадь к самому моему носу.

Ничего не поделаешь. Это было ять!

Нагло подбоченившееся, с растопыренными рогами «ять».

Оно провалило меня.

Конечно, я тогда <была> молода и неопытна и понятия не имела о провокации.

И вот как изменилась наша судьба!

Я – гражданка свободной России, а её уличили и погнали к чёрту.

Торжествует правда, и зло наказано.

Теперь для полного торжества правды следовало бы вернуть всех тех мучеников, которые были в своё время изгнаны за непризнание проклятой буквы. Вернуть их и водворить снова на лоно родных гимназий. Пусть пребывают там в по-

чёте и уважении до скончания дней своих.

Когда изгнание «ять» было только в проекте, многие люди, очевидно старорежимного уклона, высказывали догадки:

– Это Мануйлов для того делает, чтобы не так в глаза бросалось, что министры безграмотны.

Но это умозаключение не заслуживает, конечно, никакого внимания в виду таинственного намёка Бурцева и т. д.

Когда Мануйлов занял пост министра народного просвещения, многие из нас жалели его за то тяжёлое бремя, которое он взвалил на свои плечи.

Сколько спешной, ответственной работы взял он на себя!

За что он примется прежде всего?

Ведь дело такое спешное!

Может быть, придётся прибегнуть к общественной помощи, организовать какие-нибудь «летучие отряды грамотности».

Как ввести немедленно всеобщее равное образование?

Через год, через полтора не должно быть ни одного неграмотного человека в России.

Довольно мы умилялись над тем, что:

С трудом от слова к слову
Пальчиком водя,
По печатному читает
Мужичкам дитя…

Дитя это давно выросло и должно было выучить своих де-

тей.

Если Россию повернули к свету, то должны ей открыть глаза, чтобы она этот свет видела.

Бедная, многострадальная интеллигенция из кожи вон лезет, чтобы помочь меньшому брату выбиться на светлый простор.

– Солдатики, милые, хотят устраивать у себя клуб, библиотеки, читальни. Скорее на помощь!

Писали воззвания, собирали деньги и книги. Приглашали лекторов.

– Объясните им права гражданина и человека.

Солдаты требовали, чтобы в библиотеках у них были самые настоящие учёные книги, и чтобы лекции читались самые настоящие, но только чтоб во время лекции разрешено было пить чай и есть селёдку.

Разрешим с радостью, «только бы приучить».

Хлебали чай, рвали руками селёдку, а лектор, жертвуя и временем, и трудами, задыхался в спёртом воздухе и объяснял «права гражданина и человека».

Но скоро оказалось, что и селёдки мало, чтобы искупить скуку таких лекций.

Их забросили. Клубы посещались только для игры в шашки и чаепития. Радовались, что продажа колбасы и селёдок дала прибыль в двадцать рублей.

Игра в «интеллигентов» надоела.

Думали, очень занятно выйдет «пойти в библиотеку уче-

ные книжки читать». Ан вышло скучно. Не так, видно, просто, как казалось.

Каждый деревенский кулак думает, что, купив барское имение, помещиком сделается.

Чего бы, кажется? Живёт в хорошем доме, ест-пьёт сколько влезет, а всё как-то не то, и на настоящее не похоже.

Теперь всё ярче выступает эта «игра в интеллигенцию». Желание казаться, а не быть. На грош пятаков купить.

В былые времена интеллигентная молодежь, идеалисты, надевала косоворотки, смазные сапоги и ходила в народ. Придумывали этот грим для того, чтобы казаться «своими».

Теперь наоборот. Полуграмотные недоучки и неучи гримируются под интеллигентов. Надевают белые воротнички, какие-то помпадуровые галстуки, говорят плохопонимаемые, малопривычные и малонужные слова: «лозунги», «прерогативы», «делегат», «мандат», «приоритеты» и «кооптация».

Учиться скучно. Притворяться легко и забавно.

Министр народного просвещения с этим согласен.

– Упраздним грамотность. Пиши как говоришь, а то ещё отличат сразу учёного от неуча.

А мы-то надеялись!

Теперь, думали, трудно, но через десять лет будет у нас новая Россия. Десять лет труда, десять лет народного просвещения, – и у нас будут настоящий народ, настоящие грамотные, не загримированные галстуками, «лозунгами» и «коа-

лициями», не притворяющиеся, а настоящие, равные друг другу люди, которым равное дано и с которых равное спросится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.